

В ритме происходящего

Эманюэль Ландольт

Специально для **Пушкина**.
Перевод с французского
Михаила Маяцкого

PASCAL MICHON, *Les rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé*. Paris: Les Prairies Ordinaires 2007. 311 p.
(Паскаль Мишон, Ритмы политического. Демократия и глобализованный капитализм)

Книга Паскаля Мишона «Ритмы политического. Демократия и глобализованный капитализм» посвящена всё тому же: что делать с левым наследием? что делать с императивом радикальной критики существующей системы? В отличие от ностальгического большинства, музеифицирующего теоретический бум 30–40-летней давности, автор устремлен вперед и настроен на решительное обновление категорий критического мышления. Конечно, постоянный пересмотр концептуального инвентаря укоренен в самой традиции французской критической мысли, причем еще в ее родном, доэксспортном варианте, еще до того, как она превратилась во French Theory. Сегодня же неотложность обновления диктуется риском наивного повторения критического дискурса бо-х годов. Повторением довольствуются многие, но не на этом пути обретаются боеспособные в условиях неолиберализма интерпретации. Сегодня, в уныло-паныхидной атмосфере начала XXI века, когда нас покинули великие демиурги French Theory (Фуко, Барт, Деррида, Делёз...), пора принять, что мир радикально изменился, а система претерпела подлинную метаморфозу и переместилась в иное пространство. Мишон начинает с разбора применимости старой критической теории к новой ситуации. Что же обнаруживается? Что новый мировой порядок

ухитрился превратить своих основных критиков в союзников. Переименованная таким манером французская философия поставлена на службу новой системе, находящей свое оправдание в экономических сдвигах глобализованного капитализма. А потому сегодня, в час скорбно-мемориальных вздохов по канувшей в прошлое поре великих интеллектуальных битв, ученикам своих учителей необходимо возобновить (а для этого: обновить) свою ангажированность, которая в неолиберальную эпоху должна с необходимостью стать *неолибертинской*: а значит, принципиально номиналистской и подчеркнута подозрительной по отношению к реальному. Новая критика призвана прийти на смену старой, той, которая, осудив системный мир, пришла к оправданию нового, *асистемного* и еще более несправедливого мира. Старая критика «отказывалась от любого существенного проекта коллективного будущего, который бы шел дальше простого утверждения индивидуальной свободы и выходил бы за рамки чисто деструктивной критики действительности» (с. 12).

Подобная предельная поведенческая индивидуализация (по модели, например, делёзовского «становления-меньшинством») попадает точно в струю тотальной коммерциализации жизни и человеческих отношений. Мораль: если тупо настаивать на позиции, некогда несшей в себе

освободительный заряд, можно запросто превратиться в сторонника неолиберализма. Примером тому может послужить Тони Негри, чей (с Майклом Хардтом) бестселлер «Империя» во имя некоторого анархо-коммунистического проекта подвергает критике территории, иерархии, понятия народа и национального государства, чем, с одной стороны, продолжает Альгюссера и Делёза, но, с другой, становится глашатаем глобализованного рынка, который и разрушил ядро государства как совокупности территорий и иерархий. Другой пример — Мишель Фуко. Мишон показывает, куда может завести излишняя верность его подходу. В своей «Археологии знания» он ищет новый теоретический метод, который позволил бы отказаться от синтетических априорных конструкций и, следовательно, от искусственного производства сущностей-единичностей. Предлагаемая им конфигурация организована, в конечном итоге, ризоматически и направлена на «борьбу против унифицирующих и гомегенизирующих эпистемологий, несколько не учитывающих событийность, непреодолимо скрытный и многообразный характер событий» (с. 15). Но проблема в том, что сегодняшней «новый мир чаще всего и истолковывает себя в терминах ризоматической или молекулярной логики, скроенной, с одной стороны, по технико-телематическим, а, с другой, по экономическим неолиберальным образцам...». Этот мир толкуется как жидкий, лишенный очертаний и зазоров, нелокализуемый, ибо находящийся везде и нигде (сравни, например, с *текучим обществом* Зигмунта Баумана). Поэтому данные подходы упираются в две тенденции, концептуальная качка между которыми способна вызвать тяжелые приступы «морской болезни», или, попросту, тошноты у кого угодно: с одной стороны, в разнужданную рекламу безграничных возможностей нового общества; с другой, в обличе-

ние перекосов системного тоталитаризма. Автор напоминает, что «если мир и претерпел определенный сдвиг к текучему состоянию, то не все формы вдруг взяли и исчезли, да и власть также не распределилась вдруг гомогенным образом» (с. 31). Просто уже невозможно осмыслить эти перемены в старых добрых терминах «системы», «индивида» и «взаимодействия». Некогда действенная критика сегодня оказывается обесточенной новыми социально-экономическими условиями глобализованного капитализма. Та же самая ризоматическая организация «становлений-меньшинствами», которая совсем недавно претендовала на роль действенной «линии ускользания» от молярной инстанции французского государства, сегодня превращает Фуко и Делёза в утонченных проповедников либерализма. Среди новейших обозначений этого нового порядка встречаем «раздисциплинирование» (дисциплинарные сообщества Фуко вышли из моды), «десистематизацию» (микро-повествования, вытесняющие дискурс систем¹) и «разго-

сударствление». Параллельно с этой деконструкцией, процесс «вторичной обработки сырья» критической мысли вносит свою лепту в аисторическую интерпретацию и схлопывание всякой критической дистанции. К этому извращенному феномену добавляется и неоправданно чрезмерное представительство потомков, уже ничего не производящих, но предающихся, по словам Мишона, *академическому фагоцитозу* — неумеренному пожиранию и, следовательно, несварению фигур критической мысли, превращенных отныне в поводы для бесконечных комментариев и получения ученых степеней.

Автор призывает вновь обратиться к радикальному историзму, способному вернуть критическую мысль в контекст ее высказывания и производства, чтобы дать — ей и нам — осознать всю меру расхождений, противофаз и прочих аритмий между эпохой «пост-68» и нашей. Понятие индивидуации опирается здесь на категорию *ритма* и на сравнительно-историческую эпистемологию. «Под индивидуацией я понимаю совокупность телесных, языковых и социальных процессов, в результате которых беспрестанно производятся и воспроизводятся, умножаются и уреза-

fabriquer des histoires et à formater des esprits, Paris: La Découverte 2007).

ются отдельные или коллективные индивиды... Ритмом я называю конфигурации, специфичные для этих процессов индивидуации» (с. 32). Таким образом, ритм включается в радикальный историзм, позволяющий зафиксировать метаморфозы переменчивого и нестабильного индивида в ходе истории. Иными словами, ритм представляется автору хорошим способом уловить индивидов в их текучести.

Всю множественность изменений ритма Паскаль Мишон предлагает сгруппировать в три подхода. Прежде всего, ритм следует понимать в плане воздействия на орган или влияния на тело как на «совокупность телесных техник, сцепление действий, выборку шагов и остановок» (с. 54), одним словом, как пространственно-временную организацию, как *ритмы телесности*, которые в чем-то пересекаются с моделью фуккодианских «техник себя». С телесными ритмами тесно связан другой элемент — *дискурсивность*, ритмы которой организуют текучесть языка. Для субъекта, претерпевающего индивидуацию, язык не есть ни данность, ни какой-то трансцендентал, даруемый при рождении, ни некий естественный акт, но модуляции этого акта посредством выработки техник языковой ритмики. Виктор Клемперер в своем знаменитом *Языке Третьего рейха* показал, как нацистской власти удалось проникнуть в индивидуально-семейный интим через контроль за ритмами языка, например, «через явную склонность к словам иностранного происхождения, непонятным среднему немцу и способным вселять в него мечтательность и доверчивость» (с. 56), или посредством придания некоторым словам уничижительного или пейоративного смысла и т. д. Наконец, третьим элементом, позво-

¹ См. недавнее захватывающее исследование, посвященное смене курса в новом менеджменте и далеко за его пределами: на смену «системе» пришли «микронарративы», или попросту «истории» (CHRISTIAN SALMON, *Storytelling, la machine à*

ляющим замкнуть герменевтический круг, выступает социальное измерение ритмических индивидуационных процессов. Социальные группы рассматриваются уже не как определенные и неизменные социальные образования, навязывающие правила своим членам, а опять-таки как монтаж и сборка некоторых техник, обуславливающих *манеры* (автор настаивает на этом слове, сохраняющем этимологический резонанс с *manus*, рукой, жестом, с определенной эмпирией действия), в которых человеческие отношения становятся текучими. Сущность группы не предсуществует техникам, которые эту сущность «являют», формируют и преобразуют. К такому тезису нас подводит уже антропологическая рефлексия и в частности понятие «монтажа техник», предложенное Марселем Моссом.

Какое место занимает в этих новых социальных сборках власть? По-новому сконфигурированная власть в ее многочисленных формах выступает теперь неким ритмическим *медулом*, организующим сообщества и индивиды в такой новый порядок, при котором власть освобождается от своей *системной* формы и своих бюрократических рамок, чтобы предстать лишь одной из сонма новых стратегий, призванных осуществлять гибкий контроль и всё разнообразие *манер «отекучивания»* тел-языков-групп. В новых условиях система использует флюиды-истечения и общий наличный хаос, доставшийся от расчлененных и «растекшихся» социально-экономических систем второй половины XX века. Теперь господство и иерархия не занимают привычные властные ячейки (государственные институты, парламенты и пр.), а создают новые, нетрадиционные. Уже бессмысленно толковать их в терминах, подходивших к Франции де Голля или Помпиду: «Если старый мир производил замкнутых и неизменных индивидов, подчиняющихся нормативной модели, то новые сверхгосударственные конфигурации источают жизненные формы, отличающиеся многообразием и в некотором смысле большей свободой, но в то же время и хрупкостью, скудостью опыта, бездеятельностью. Секрет мощи этих новых властных конфигураций, вероятно, и связан с производством этих типов жизненных форм и с контролем над ними, вписывающим их в новые формы разделения»

(с. 93). Осознавая легкость, с которой логика капитала превращает идеи в идеологии, Мишон призывает к обновлению всей концептуальной гаммы, чтобы опять не отстать на круг. Согласно диагнозу Мишона, и ритмы, и миноритарные субъективности множатся (маркетинг только и занят созданием-дроблением потребительских меньшинств), но качественно они вялы и нестойки: свободная циркуляция упраздняет любую интенсивность, любую конфликтность, без которых нового сопротивления не сконфигурируешь.

Каждая социальная группа по-разному переживает ритмические различия, производимые внутри этого нового порядка. К сущности этой псевдо-системы принадлежит стремление к отмене прежней ритмической гомогенности для лучшего контроля, якобы более гибкого, но на деле более эффективного для подавления инакомыслия. За примером инакомыслия, скорее, разномыслия автор обращается к Р. Барту и его лекциям в Коллеж де Франс, посвященным формам общежития. Барт рассматривает дохристианские общины монахов-отшельников, живших в III в. до н. э. Закон их общежития описывается Бартом как *идиоритмический*. Смыслом этих коммун была полная индивидуация членов. Каждому монаху вменялось в обязанность найти свой ритм, в том числе для приемов пищи, за исключением одной общей трапезы в неделю. После крещения Константина в 313 году эти индивидуалистические сообщества были распущены. Барт комментирует это в том смысле, что идиоритмия всегда идет вразрез с властью. На первый взгляд, эта модель дает удовлетворительную картину ритмической текучести без навязывания вертикали, но она оставляет без внимания вопрос о государстве и объявляет идеалом несколько парадоксальную группу, выбравшую целью собственное постоянное разрушение.

За отправную точку последней части книги автор берет анализ «гибкости» фирм в работах Ричарда Сеннета. Гибкое рабочее время (т. е. по сути монтаж разных ритмов) сперва дает возможность, казалось бы, свободно располагать своим временем, но затем требует гораздо большей способности к адаптации. Постоянно бросаемый с одного этажа иерархии на другой, из одного коллекти-

ва в другой, работник теряет относительную автономию, которую ему вроде сулила такая «свободная» и неиерархичная организация. Терпит ущерб и его собственная ценность как индивида и работника: понятие «верности фирме», постановка и преследование долгосрочных целей теряют смысл. Их заменяет *принудительный номуадизм*: работа, которую нужно постоянно менять, или экспортируемая куда и когда угодно, и, как следствие, подчинение рабочей силы капиталу без ощутимых для капитала затрат. Такая ритмическая метаморфоза выливается и в нарастающее делегирование большими фирмами своих услуг (аутсорсинг), что дает в результате предприятия «самых разных размеров и функций, связанные как бы в гроздь интенсивным обменом информацией, услугами и товарами, относительно независимые и не имеющие ясного центра» (с. 286). Автор призывает, конечно, не вернуться к прежним рутинным формам труда, к мощной бюрократии внутри фирм, но искать более гармоничные и обоснованные процессы индивидуации.

Рассмотрев и отбросив эвритмическую утопию Марселя Мосса, фуколдическое понятие дисциплинарных обществ, а также тревожную перспективу делёзовских «контролирующих обществ», автор заявляет, что именно ритмический подход может стать наиболее убедительным подспорьем для понимания текущих процессов. Этот подход состоит в тонком компромиссе между издержками коллективизации любой ценой ради победы над стереотипным индивидуализмом системы, и определенным анархизмом, предполагающим свободный выбор процессов индивидуации, невзирая на иерархию или локальную специфику. Для этого нужно придать ритму *качество, интенсивность*. Такая возможность открывается, согласно автору, в новых «манерах текучести» через локальную и транслокальную коллективную мобилизацию «телесно-языковых» сообществ на поиски новых телесных, языковых и социальных техник. Другими словами, параллельно с изменением системы необходимо изменять инструменты критики, не просто ценить наследие за его жест, но и работать над концептами, чтобы вписывать их в быстротекущую историю. ■